

Смена режима

Строй, где обсуждается пятый и шестой президентский срок, – это другой тип государственности. Что выбрал Путин в Думе.

[Александр Баунов](#) | 17.03.2020

Все, что политологи обсуждали последние два месяца, начиная с президентского послания в середине января, было верно: поправки к российской Конституции принимались для того, чтобы ограничить сроки и полномочия следующего президента, потому что второго Путина в России быть не должно. Просто сам этот следующий президент будет намного позже. Гораздо позже, чем можно было заключить из неожиданной возни с Конституцией и отставкой правительства. Настолько позже, что о нем больше не имеет смысла говорить, разбирая нынешний режим.

Оперативная матрешка

Все предприятие с поправками в Конституцию оказалось операцией прикрытия для изменения полномочий высших органов власти и президента. А само изменение этих полномочий понадобилось для того, чтобы начать новый отсчет президентских сроков. Логика авторов идеи выглядит так: поправки обновляют количественные и качественные характеристики президентской власти. Теперь носитель действующего президентского мандата может претендовать на обновленный мандат, потому что он другой и потому что по отношению к его прежним срокам введено ограничение, которого не было, когда он избирался, а ограничивать задним числом нельзя. Вот и коллизия для Конституционного суда.

В этом контексте уход Медведева с поста премьер-министра можно понять как завершение операции «Преемник» не только лично для него, а на ближайшую перспективу.

Ранний старт и быстрый темп операции был нужен не для того, чтобы, как многим казалось, обеспечить быстрый трансфер власти преемнику, оградив его от интриг соперников, не успевших подготовиться к закулисным боям. И не для того, чтобы не позволить геополитическим оппонентам вмешаться в деликатный процесс передачи власти. А для того, чтобы максимально быстро перед глазами растерянного общества местных и зарубежных наблюдателей переоформить власть на себя.

Само выступление Путина в Думе 10 марта выглядело как спецоперация в рамках спецоперации – оперативная матрешка. Президент приехал в Думу по поводу, на который поначалу могли не обратить серьезного внимания, – обсудить с депутатами второе чтение поправок.

Вес моменту придало внезапное предложение депутата Карелина распустить Думу и провести досрочные выборы, а также не менее внезапное предложение депутата Терешковой обнулить ограничения по срокам для нынешнего президента или вообще убрать их из Конституции. Речь шла о «поправках с голоса», которых никто до этого не видел на бумаге за пределами неопределенно узкого круга лиц.

События в Думе развивались стремительно. Сначала граждан напугали (некоторых наверняка обрадовали) полным снятием ограничений для Путина на количество лет у власти и на число переизбраний. Потом сам президент успокоил: ограничения останутся для всех, просто продлевать полномочия нехорошо, потому что «у граждан должен быть выбор». Зато с выбором продлевать можно.

Высшую власть вообще берут для того, чтобы сохранить и передать. Россия еще слишком хрупка, а потеря власти – это потеря России. Эта черта и есть главная особенность российского политического мышления, которая важнее, чем любая конституция.

На вопрос, может ли он с этими новыми ограничениями в два срока идти на следующие выборы, где у граждан будет право выбрать его или не его, президент дает ответ: это должен решать Конституционный суд. В России никто не верит, что суд откажет Путину, а значит, он пойдет на новые выборы и граждане получат возможность вновь избрать Путина в конкурентной борьбе, которую он не может проиграть.

Вероятно, с точки зрения авторов, такой ход должен смотреться компромиссом между «навсегда» и «нынешний срок – последний». Однако он бесконечно ближе к версии «навсегда».

У столь разных режимов Бориса Ельцина и Владимира Путина вновь проявилась их важная общая черта: президентские выборы не для того, чтобы уступить власть оппоненту. Высшую власть вообще берут не для того, чтобы уступить, а для того, чтобы сохранить и передать. Россия еще слишком хрупка, а потеря власти – это потеря России. Эта черта и есть главная особенность российского политического мышления, которая важнее, чем любая конституция.

Переоформление на себя

Вся постановка с переоформлением власти на себя не была экспромтом, хотя ее смысл по ходу действия толковали иначе. Не только из-за множества отвлекающих ходов. Толкователи исходили

из двух вещей: из собственного желания деперсонализации, европеизации российской системы власти и из поведения Путина в 2008 году, когда он соблюдал букву закона, уйдя с президентского поста. Но выяснилось, что букву можно понять по-другому.

Процесс обсуждения конституционных поправок, стремительно начавшийся в январе, был больше похож на подготовку к тому, чтобы уйти, чем к тому, чтобы остаться. Ранний старт, усложнение рычагов президентской власти, ограничение ее двумя сроками, призрак кабинета министров, ответственного перед парламентом, разговоры о загадочном Госсовете, появление во власти многочисленных новых лиц с явно не техническими и не декоративными полномочиями – все это выглядело как раннее начало транзита или, точнее, трансфера власти новому лицу с поиском места для старого.

Общие черты плана были поняты верно. Три типа поправок – социальные, патриотические и условно либеральные – подготовлены для того, чтобы привести к урнам три главы типа избирателей или, во всяком случае, их не оттолкнуть. Перераспределение полномочий между органами и ветвями власти нужны потому, что историческая миссия восстановителя страны не может быть передана следующему президенту, который будет просто президент, а не *pater patriae*, спаситель и переучредитель отечества. И даже Госсовет может быть местом чрезвычайной и полномочной отставки президента. Только не сейчас, а в будущем.

Выяснилось, что миссия нынешнего еще не окончена. Об этом можно было догадаться, хотя не хотелось. О президентстве как служении Путин в очередной раз говорил с ивановской общественностью. Там же он сообщил, что поправки принимаются лет на 30–50 и в такой перспективе сменяемость власти необходима (значит, в более короткой не настолько), а двоевластие губительно (значит, Госсовет пока не вариант, хотя то же двоевластие не пугало его между 2008-м и 2012-м).

Вряд ли Путин с самого начала лишил себя выбора между вариантами решения проблемы 2024 года. Выбор между сценариями наверняка проводился, но привлек самый соблазнительный.

Он, похоже, был обозначен еще на пресс-конференции в декабре прошлого года, когда Путин – в ответ на явно заготовленный вопрос госжурналиста – заговорил о том, что надо бы убрать из Конституции слово «подряд». Это было понято как либеральная по духу поправка и начало разговора о желании своевременно уйти. Однако в его представлении это могло быть тем самым ограничением полномочий, которое даст смутную возможность говорить о праве на новые переизбрания.

Нельзя задним числом ограничивать права гражданина – в том числе президента избираться, а именно это и произойдет, если ограничивающую поправку распространить на сроки, которые президент уже отслужил на своем посту. Он-то избирался, думая, что речь идет о запрете двух сроков подряд, а теперь, в разгар его второго срока, оказывается, что речь идет о двух сроках вообще. Вот и ограничение, да еще и ретроспективное – в обратном направлении. Значит, прошлые сроки можно изъять из-под действия ограничивающей поправки и запросить Конституционный суд о возможности участия в новых выборах. Хотя на похожий вопрос в 1998 году Конституционный суд [ответил](#) отрицательно.

В том же декабре прошлого года Татьяна Становая [обратила](#) внимание, что Путин еще в 2012 году обмолвился о том, как он будет трактовать изменение президентских полномочий: «Закон обратной силы не имеет. С того момента, когда он будет принят, у меня есть возможность работать следующие два срока».

Владимир Путин в очередной раз подтвердил, что соблюдение закона для него – буква, а в нынешнем случае – даже узкий коридор, пробел между буквами. Тем не менее решение пойти по

пути обнуления сроков вряд ли было выбрано с самого начала и без вариантов. Скорее оно созревало постепенно – по мере того, как, не без удовольствия для главного потребителя политического анализа, раскрывались риски и негативные черты других сценариев.

Речь Путина в Думе хоть и звучала несколько сбивчиво, вряд ли была экспромтом – там было достаточно отсылок к прошлому России и международному опыту, чтобы было ясно: над ней работали спичрайтеры и сам выступающий. Некоторая путаность и даже взволнованность выступления скорее объясняются осознанием рисков такого шага.

Происходит беспрецедентная в истории даже авторитарной России вещь. Ее глава открыто заявляет, что готов создать и использовать возможности, чтобы не уходить с президентского поста после истечения оговоренных действующим законом полномочий и оставаться на нем еще очень долго. Вдобавок он делает это в самый разгар ожиданий его ухода, порожденных бурным началом неясных конституционных инициатив и правительственных перестановок.

Очевидно, решение было принято под влиянием нескольких мыслей. Размышлений о президентской работе как служении, своего рода божественном избрании (те, кто общается с окружением Путина, знают, что эта мысль, подкрепленная его стремительным взлетом из скромных чиновников и неожиданными успехами на президентском посту, там присутствует). Негативный опыт тандемократии, которая расколола правящий класс (для Кремля московские протесты 2011–2012 годов – это следствие не возвращения Путина, а того, что элиты были расколоты: одни хотели, чтобы Медведев остался, другие – чтобы Путин вернулся, и это дестабилизировало страну). Страх передать Россию преемнику и потерять над ним контроль, чем воспользуются внешние враждебные силы – как это было в конце Советского Союза. Осознание того, что Россия находится в острой конфронтации с превосходящими силами геополитических оппонентов. Наблюдение за забегом перспективных восьмидесятилетних политиков в Белый дом. Наконец, последние события – падение цен на нефть, обвал рубля и акций российских компаний, эпидемия, которая, с одной стороны, риск, с другой – шанс легитимно избавиться от протестов, – могли подтолкнуть к желанному для себя решению.

Сам день объявления о том, чтобы остаться, – наглядная демонстрация, что гражданские свободы могут волновать массового, даже продвинутого избирателя меньше, чем собственное здоровье и экономические неурядицы.

Либералы и двери

Теперь в апреле люди пойдут голосовать именно за возможность продлить власть Владимира Путина, лишь приправленную прочими поправками. Это повышает риск протестного голосования. Хотя сам факт, что людей зовут голосовать за это в открытую, свидетельствует о том, что кремлевская социология не ждет неприятных сюрпризов.

Главными проигравшими здесь являются системные либералы, которые инвестировали в сценарий, что логика государственного блага приведет Путина и его окружение к решению добровольно ограничить и передать власть, то есть запустить транзит сверху. Тем более что множество шагов начала этого года выглядели как части именно такого плана. Видимо, в ситуации, когда государственное благо долго персонифицируется, этот сценарий не работает или запускается на гораздо более поздних стадиях.

Принятое решение может отдалить друг от друга Кремль и системных либералов и сблизить их с оппозицией, а Кремль, соответственно, сделать еще менее либеральным.

Путин не любит закрывать для себя все двери. Нынешняя конструкция, в отличие от прямого

продления президентской власти, дает возможность держать их открытыми. Поправка имени Терешковой позволяет Путину идти на выборы после разрешения Конституционного суда, но не обязывает его это делать.

После принятия этой поправки можно еще будет гадать о том, пройдут выборы досрочно или в положенном 2024 году, обратится ли Путин в Конституционный суд, а если обратится, то какой ответ согласуют по невидимым каналам, и не будет ли бунта судей, которые теперь, в исправленной версии Конституции, могут быть уволены в парламенте.

Наконец, останется главный вопрос – воспользуется ли Путин поправкой и пойдет ли на следующие выборы. А если пойдет, то только на один срок или на два. Но если раньше вариант «уйдет» казался с оговорками приоритетным, теперь он превратился в маргинальный и стал бы большим сюрпризом. Хотя те, кто ожидает добровольного ухода, уцепятся и за эту последнюю надежду.

Ясно, что при любом решении Путин до последнего момента не будет хромой уткой, а останется при всей полноте персональной власти – еще больше усиленной отказом от заявленного транзита. Теперь бюрократам не нужно будет суетливо озираться в поисках преемника и распределять лояльность. А преемник если возникнет, будет настоящим явлением бога из машины.

Смена образца

Вряд ли критически настроенных избирателей, настаивающих на полной реализации своих гражданских прав и политических свобод, удовлетворило бы любое решение Путина – не важно, стал бы он главой Госсовета, общенационального движения, назначил бы преемником Медведева, Мишустина, Собянина или кого-то из губернаторов.

Однако нынешнее решение отличается от любого из них. Оно меняет лицо российского политического режима.

Первая часть путинского правления прошла при молчаливом признании западных правил, из которых слабая и потерпевшая геополитическое поражение Россия временно вынуждена делать для себя исключения. Западный тип политического устройства со сменяемым президентом и разделением властей молчаливо считался правильным и для России с той оговоркой, что Россия пока к нему не готова, потому что слаба. Общим местом было сетовать на то, что западные партнеры все время критикуют Россию, не делая скидок на ее трудности.

Рост Китая показывает, что недемократии могут быть технологически и экономически успешными не меньше демократий. В самой России в нескольких сферах достигнут прогресс, который раньше связывался с демократией, а оказался возможен и без нее.

За последние годы многое изменилось. Демократии оказались не такими стабильными и привлекательными системами, как раньше. Прежде они выглядели как плавное респектабельное чередование представителей истеблишмента, теперь – после Трампа, брекзита, краха старых партийных систем в Европе – видно, что демократии могут быть нестабильными, а истеблишмент проигрывать. Рост Китая показывает, что недемократии могут быть технологически

и экономически успешными не меньше демократий. Наконец, в самой России в нескольких сферах (цифровое государство, столичный транспорт, налогообложение, военно-дипломатический вес) достигнут прогресс, который раньше связывался с демократией, а оказался возможен и без нее.

Путин, который давно испытывал искушение порвать с западными условностями, видел на этом пути все меньше барьеров. Экономический поворот на Восток сопровождался политическим отдалением от Запада: зачем подражать политической системе, чья экономика растет медленнее авторитарных и занимает все меньше места в мире, а политическая система не обеспечивает стабильности.

Несмотря на продолжающуюся игру с буквой Конституции, написанной по западным образцам, политический строй, где обсуждается пятый и шестой президентский срок, – совсем другой тип государственности. Возвращение к европейскому дизайну власти – даже при обещанных нынешними поправками ограничениях и парламентаризме – с большей вероятностью потребует демонтажа наследия нынешнего режима, чем если бы транзит был осуществлен сейчас.

Данная статья впервые вышла на сайте Carnegie.ru и публикуется с разрешения правообладателя